

традициям позволит сохранить уникальность многонациональной культуры России.

Примечания:

1. см.: www.voorik.ru
2. Борьба за власть Советов в Тобольской (Тюменской) губернии (1917-1920 гг.): Сборник документальных материалов. Свердловск, 1967. С.321-322.
3. ГАПО. Ф.23. Оп.1. Д.1. Л.48-50 об.; Д.12. Л.11, 37.
4. Подсчитано: ГАСО. Ф.Р-233. Оп.1. Д.875. Л.72-77.
5. см.: www.mkso.ru

И.Л. Манькова
Екатеринбург

ИЗУЧЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВИЯ: ИТОГИ, СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Изучение истории православной церкви в отдельных регионах России давно и успешно развивается в отечественной историографии. Предметом пристального внимания историков, занимающихся досоветским периодом, стали такие аспекты данной темы, как история монастырей, их вотчин и положение монастырских крестьян; приходское духовенство как социальная общность; приходская община; христианизация коренного населения. Плодотворно изучается такой феномен в истории православия, как старообрядчество.

В последние 20 лет большое внимание уделяется истории РПЦ в годы советской власти. Длительное время эту тему можно было освящать только с определенных позиций, и, когда были сняты советские идеологические барьеры, открыты засекреченные архивные фонды, то в исторических исследованиях основное внимание стало уделяться ранее запретным проблемам – это противостояние РПЦ и советского государства, репрессии в отношении духовенства, уничтожение православных святынь, церковные расколы и т.д. В настоящее время продолжается активный процесс накопления знаний по советскому периоду истории РПЦ и осмысление фактического материала. Очевидно, создание обобщающих работ, отразивших бы историю православия в XX в. во всем ее многообразии, пока остается задачей на перспективу.

Проведенные за многие десятилетия исследования по досоветской истории РПЦ позволили подготовить обобщающие труды по истории РПЦ в ряде регионов. Например, книги М.В. Пулькина, О.А. Захаровой, А.Ю. Жуковой «Православие в Карелии (XV – первая треть XX в.)» (М., 1999), А.В. Дулова и А.П. Санникова «Православная церковь в Восточной Сибири в XVII – начале XX в.» (Иркутск, 2006), а также коллективная монография «История Екатеринбургской епархии» (Екатеринбург, 2010).

Стремясь создать обобщающую историю православия в том или ином регионе, исследователи в основном идут традиционным путем, ставя знак равенства между «православием» и «православной церковью», выделяя основные составляющие ее социально-институциональной деятельности: христианизация и миссионерство, возведение храмов, приходская система и приходское духовенство, церковное управление, монастыри и монашество, просвещение и благотворительность, а также старообрядчество. Как правило, в качестве критерия периодизации региональной истории православия берутся институциональные изменения (например, изменения в церковном управлении). Такой подход позволяет отразить важные стороны в истории православия, но далеко не все. На втором плане оказывается сам верующий человек с его духовным миром и образом жизни. На наш взгляд, под историей православия следует понимать не только историю православных институтов

(храм, приход, монастырь, епархия), но и религиозное состояние общества, поскольку православие являлось системообразующим фактором в жизни людей (например, календарь, организация пространства дома и т.д.), а также в их представлениях о мироустройстве [1].

Поэтому сегодня, даже после выхода обобщающих работ по истории православия ряда регионов еще рано говорить о том, что мы имеем цельное представление об истории православия даже на отдельно взятой территории. Трудности в создании всеобъемлющей картины связаны не только с неравномерной изученностью всех участков общей панорамы религиозной ситуации, но и с выбором наиболее оптимальных методов ее моделирования, подходов к наполняемости ее содержанием.

В настоящее время предпринимается поиск новых подходов в осмыслении накопленного материала. Так, по мнению ярославских историков, используемые понятия «духовная жизнь», «религиозная жизнь», «религиозное сознание», часто выступающие как синонимы, недостаточны для описания средневековых социокультурных явлений [2]. Они предложили обновить категориальный аппарат введением нового для отечественной историографии понятия «религиозный опыт», который «проявляется, реализуется через индивидуальные и коллективные поступки, мотивированные общественными ценностями» [3]. Предложенное понятие исследователи апробировали при изучении приходской жизни Ярославля XVII – начала XVIII в. В качестве метода исследования было выбрано составление историко-культурной хроники приходской жизни, которая объединила различные проявления религиозного опыта. В хронике нашли отражение «иницирование строительства храмов, жертвование средств на строительство; роспись храмов и устройство иконостасов; вклады в храмы имущества и предметов церковного обихода; проведение крестных ходов и молебнов; фиксация чудес от местных святых (составление сказаний о святых); ведение летописей в приходских храмах; принятие обетов (написать икону, постричься в монастырь, сделать вклад в церковь)» [4]. Наш взгляд, предложенный ярославскими историками подход весьма плодотворен, и открывает новые познавательные возможности. Однако, он «отсекает» институциональное развитие, что не позволяет создать целостную картину истории православия.

Еще одним путем создания региональной истории православия может стать использование концепта «православный ландшафт». В географической науке давно и основательно разрабатывается такое научное направление, как ландшафтоведение. В начале XX в. в связи с изучением влияния деятельности человека на природу был введен термин «культурный ландшафт». Постепенно он начал активно «осваиваться» представителями не только естественных, но и гуманитарных наук. В отечественной науке оформление идеи культурного ландшафта как концепции началось в 1990-ые гг. и продолжается до сих пор [5].

Используя термины «культурный ландшафт» и «ландшафт», исследователи ставят перед собой разные познавательные задачи. Так, культурологи и литературоведы фокусируют внимание, в первую очередь, на семантике, прочтении образов преобразованного природного ландшафта и его влияния на миропонимание и художественное творчество [6]. Экологов, рассматривающих культурный ландшафт как объект наследия, волнует влияние деятельности человека на окружающую среду [7].

Серьезные успехи в этом направлении имеются у этнографов, увидевших в идее «культурного ландшафта» новые эвристические возможности для изучения этносов. Очевидно, что и исследователи, изучающие историю отдельных регионов, территорий, могут извлечь пользу

из концепта культурного ландшафта. Для исторических исследований может быть приемлемо следующее определение: «культурный ландшафт - это культура местного сообщества, сформировавшаяся как результат его жизнедеятельности в определенных природных условиях, взятая в ее целостности» [8]. Любой культурный ландшафт проходит определенные стадии развития, а, следовательно, историчен. Определяя культурный ландшафт как «сложное многослойное историческое образование», этнографы на основе исторических данных выделяют разновременные слои. Например, такая методика была применена при изучении святынь Пинежья [9]. При изучении таких регионов как Урал и Сибирь, территорий, для которых ключевой исторической проблемой является перманентное освоение на протяжении нескольких исторических периодов, концепт культурного ландшафта дает возможность проследить, как осваивалось место/пространство, как оно развивалось (наполнялось, изменялось), усваивало (и тогда это становилось традицией) или отвергало то, что приносилось извне переселенческими волнами. При этом важно учитывать, что речь идет о хозяйственном, политическом, культурном освоении одной территории разными этносами на разных исторических отрезках, но вместе с тем стержневым в изменении культурного ландшафта стало русское освоение.

Применительно к изучению региональной истории православия в русле концепции «культурного ландшафта» может быть введено понятие «православный ландшафт», как один из сегментов культурного ландшафта, «частное культурное пространство». Под «православным ландшафтом» понимается система культурных объектов, связанных с духовными ценностями православного населения отдельно взятой территории в историческом развитии [10]. Реконструкция православного ландшафта подразумевает выявление и фиксацию объектов-святынь – приходские церкви, монастыри, часовни, чудотворные иконы, нетленные мощи святых, места погребения особо чтимых персон, кресты, природные сакральные объекты, связанные с православной традицией (ключи, источники, деревья). Проведение таких реконструкций по историческим периодам и их сопоставление дает возможность выявить изменения религиозного состояния местного сообщества на длительный временном отрезке, а также проследить институциональные перемены.

Такой подход был апробирован нами на материале Верхотурского, Пельмского, Туринского, частично Тобольского и Тюменского уездов XVII в. Обозначим этот район как Зауралье или Западная Сибирь. Поскольку изучение православного ландшафта определенной территории предполагает пространственное восприятие исследуемых процессов, то нами также был применен метод картографирования. Чтобы оценить изменения православного ландшафта Западной Сибири на протяжении XVII в., были составлены три карты «Православный ландшафт Западной Сибири к 1621 г.», т.е. к моменту образования Сибирской епархии, «Православный ландшафт Западной Сибири к середине XVII в.» и «Православный ландшафт Западной Сибири к концу XVII в.». Эти карты наглядно показывают как менялся православный ландшафт данной территории по мере его освоения русским населением. С первых лет существования города стали центрами религиозной жизни. Еще до учреждения Сибирской епархии, в них возникли монастыри, за исключением Пельма. Однако сохранились сведения, что в 1621 н. архиепископ Киприан дал указание создать монастырь в Табаринской слободе Пельмского уезда, но этого не произошло. К середине XVII в. уже сложилась своеобразная сеть обителей. Кроме городов они появились в районах активного крестьянского расселения (Невьянский, Тагильский монастыри), а также на границе с кочевым миром – по реке Исети (Далматовский, Рафайловский монастыри).

Рядом с мужскими создавались женские обители. И вплоть до начала XIX в. новых монастырей на этой территории не возникло. Таким образом, к середине XVII в. были заложены основы монашеской жизни на восточном склоне Уральского хребта.

Появление приходских храмов на уездных землях, становление приходской жизни в Западной Сибири было растянуто во времени, что обуславливалось развитием крестьянской колонизации, трудностями освоения края. Начиная с первых десятилетий XVII в. колонизационная волна продвигалась от Верхотурья на юго-восток, захватывая долины рек Тагила (1610-е гг.); Нейвы, Режа и Ницы (1620-30-е гг.); Пышмы и Исети (1640 – 1660-е гг.).

Как правило, церкви возводились одновременно со строительством крестьянских поселений. Иногда это, как обязательное условие, фиксировалось в воеводских наказах приказчикам, посылавшимся строить слободы. Сибирские архиепископы (с 1667 г. митрополиты), наделенные широкими полномочиями, часто опережали народную инициативу в создании первичных церковных институтов. Вместе с тем в новых слободах церкви строились не только по предписанию светской и церковной администраций, но и по инициативе самих новопоселенцев.

По имеющимся документам трудно проследить процесс появления приходских общин, поскольку еще не сложилась общероссийская практика жесткой регламентации. Очевидно, это происходило естественным путем – после возведения храма в слободе его прихожанами становились все жители этой слободы и тяготевшей к ней деревенской округи. Прихожане объединялись в общину, выбирали церковного (приходского) старосту, который ведал административно-хозяйственными сторонами жизни храма и прихода.

Интересные наблюдения о менталитете православного населения Западной Сибири можно сделать при анализе алтарных посвящений приходских храмов. На раннем этапе (к 1621 г.) среди алтарных посвящений преобладали посвящения во имя святых, пророков, апостолов. Подавляющее большинство главных храмов названо в честь господских праздников (т.е. посвященных Господу Богу). На карте середины XVII в. появляется значительная доля алтарных посвящений во имя праздников, связанных с Богородицей. В ряде населенных пунктов, расположенных на границах русского расселения возникли главные храмы или приделы, посвященные Михаилу архангелу. На карте конца XVII в. заметно явное преобладание алтарных посвящений в честь господских и богородичных праздников приблизительно в равных долях. Наиболее популярными были посвящения во имя Троицы, Вознесения, Богоявления, Рождества Христова и Рождества Богородицы.

Среди святых самым популярным святым здесь, как, впрочем, и во всей России, был Николай Чудотворец. Вторым по популярности был пророк Илья. Чаения крестьян и ямщиков об увеличении поголовья лошадей, их защите от болезней, отразились и в популярности святых мучеников Флора и Лавра. Также церкви посвящались Прокопию Устюжскому, Зосиме и Саватию Соловецким – святым, особенно почитаемым на Русском Севере. Это объясняется тем, что именно из Поморья шел основной поток крестьян в XVII в. Широкий спектр алтарных посвящений свидетельствует о довольно высоком уровне православного просвещения русского населения Западной Сибири, его тесной связи с давними православными традициями Русского Севера.

В источниках XVII в. край мало сохранилось сведений о часовнях в Западной Сибири, лишь о часовнях в поселениях церковных вотчин. Хотя

известно, что на Русском Севере часовни самого разного назначения имели широкое распространение. Поэтому мы обратились к картам уралосибирских уездов из «Чертежной книги» С.У. Ремезова 1701 г. На них отмечен ряд часовен, все они не имеют названий. Если перенести их на современную карту, то обращает на себя внимание то, что все они расположены в северной части карты, выше р. Ницы. Больше всех оказалась часовен в Пельымском уезде, т.е. на территории, меньше других заселенной русскими. Можно лишь строить гипотезы по поводу причин возведения этих часовен. Может быть, они были построены после очередного пожара в городе, на скорую руку, чтобы было где отправлять требы. Может быть, это обетные часовни. Часовни, расположенные недалеко от Гаринской и Табаринской слобод, вероятно, играли роль пограничных знаков между слободскими землями и ясачными волостями.

Самые ранние сведения о явленной иконе на территории Западной Сибири относятся к концу 1621 – началу 1622 гг. В Пельме начались видения в связи с иконой Михаила архангела, которую должны были увезти в Тару. Эти события пришлось на время, когда Пелым переживал тяжелые последствия большого пожара. Позже появляются местночтимые явленные и чудотворные иконы в селе Бобровском, Куяровской и Верх-Теченской слободах, Далматовском монастыре. К концу XVII в. зауральская территория обрела своего святого – праведного Симеона Верхотурского. Таким образом, можно говорить, что православный ландшафт рассматриваемой территории окончательно сложился к началу XVIII в. Для исследования его изменений в последующие периоды истории необходимы дальнейшие исследования.

Примечания:

1. В последнее время в исследованиях стал использоваться термин «народная религиозность».
2. Горшкова В.В., Добрыкова О.И., Полознев Д.Ф., Рутман Т.А. Религиозный опыт прихожан русского города XVII – первой четверти XVIII века (по материалам историко-культурной хроники приходской жизни Ярославля) // Человек между Царством и Империей: Сб. материалов междунар. конф. / РАН. Ин-т человека; Под ред. М.С. Киселевой. М., 2003. С. 429 – 430.
3. В разработке понятия «религиозный опыт» ярославские историки опираются на исследования П. Бушковица (См.: Bushkovitch P. Religion and Society in Russia. The 16-th and 17-th Centuries. New York-Oxford, 1992).
4. Там же. С. 433 – 434.
5. См., например, Культурный ландшафт: вопросы теории и методологии исследования. Сб. науч. ст. (Смоленск, 1998), Калуцков В.Н., Иванова А.А., Давыдов Ю.А. и др. «Культурный ландшафт Русского Севера. Пинежье, Поморье» (М., 1998), Калуцкий В.Н. Основы этнокультурного ландшафтоведения. Учеб. пособие (М., 2002), Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. (М., 2003) и др. С 1993 по 2003 гг. на географическом факультете МГУ работал семинар «Культурный ландшафт», периодически выпускавший сборники докладов по проблемам теории и практики изучения культурного ландшафта.
6. Ландшафты культуры. Славянский мир. // Отв. ред. И.И. Свирида. М.: Прогресс-Традиция, 2007. С. 4.
7. См., например, Концепция культурного ландшафта Карелии. // http://kizhi.karelia.ru/nature/7_science/2_2/php
8. Калуцков В.Н. Этнокультурное ландшафтоведение и концепция культурного ландшафта // Культурный ландшафт: вопросы теории и методологии исследования. Смоленск, 1998. С. 7. Творческим коллективом под руководством В.Н. Калуцкова предложено новое направление – этнокультурное ландшафтоведение.
9. Калуцков В.Н., Иванова А.А., Давыдов Ю.А. и др. Культурный ландшафт Русского Севера. Пинежье, Поморье. М., 1998. С. 80 – 90.
10. Подробнее о концепте религиозного ландшафта см. Главацкая Е.М. Религиозный ландшафт Урала: феномен, проблемы реконструкции, методы исследования // Уральский исторический вестник. 2008. № 4 (21). С. 76 – 82.